

*Изображение юноши
(внутренняя стена большого наиска (Херсонес, IV—III вв. до н. э.))*

ЛЕКЦИЯ 16

Н. О. Супрун

КЛАДБИЩЕ ХЕРСОНЕСА-ХЕРСОНА: к вопросу о реконструкции религиозного мировоззрения

Привыкай думать, что смерть для нас ничто:
ведь все и хорошее, и дурное заключается в ощущении,
а смерть есть лишение ощущений...
Самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого
отношения; когда мы есть, то смерти еще нет,
а когда смерть наступает, то уже нет нас.

Эпикур

Истинная смерть внутри — в сердце, и она сокровенна;
ею умирает внутренний человек.
Посему, если кто перешел от смерти к жизни сокровенной,
то он истинно вовеки живет и не умирает.
Даже, если тела таковых и разрушаются на время,
то снова будут воскрешены во славе, потому что освящены.

Макарий Египетский

Археология, занимающаяся прошлым, востребована современно-
стью как один из источников самопознания культуры. Многолет-
ние раскопки Херсонеса убеждают в особом значении кладбища для ре-
конструкции мировоззренческих констант.

Следует понимать, что действия, разворачивавшиеся на некрополе —
кладбище не допускали ничего случайного и поэтому любой артефакт,
преднамеренное использование которого не вызывает сомнения, следует
рассматривать как необходимый элемент системы. Таким образом, речь
пойдет не о реконструкции и описании локального погребального обряда
как системы, состоящей из некоторого количества предписанных тради-
цией действий, а о том, что кладбище — репрезентативное выражение спо-
соба мировосприятия херсонеситов.

Херсонес Таврический. Непосредственная задача погребально-поминального обряда — обеспечение перехода умершего из одного мира в другой. Предки и покойные не делаются объектом религиозного почитания в собственном смысле слова. Однако живые, безусловно, заинтересованы в том, чтобы усопшие были к ним хорошо расположены. Чтобы обеспечить себе их благоволение еще первобытные люди прибегали к умиловительным обрядам, установленным традицией, пользующейся неизменным уважением, в частности пускали в ход приношение жертв и даров.

Не считая этого, условия, в которых они живут, ничем существенно не отличаются от тех, в которых они жили. Покойные имеют те же потребности. Не способные удовлетворить их самостоятельно, они в силу этого зависят от живых, подобно тому как живые, в свою очередь, зависят от них. Следовательно, покойные вынуждены рассчитывать на потомков, и в зависимости от того, оправдались их ожидания или нет, меняется и их расположение по отношению к живущим. Человек, который навлек на себя их неудовольствие, обречен жить в постоянной тревоге.

Предположим, что похороны совершены по установленному обряду. Усопший устроился в том мире, где ему придется жить впредь. Какие же отношения устанавливаются между ним и его живыми родственниками?

Наиболее отчетливо выступающей и вместе с тем самой устойчивой чертой этих отношений продолжает оставаться внушаемый покойными страх. Необходимо выполнить все полагающиеся приготовления к погребальному празднеству, иначе усопший рассердится.

Итак, согласно греческим представлениям о загробной жизни, обол, являвшийся необходимой составляющей погребального инвентаря, предназначался для перевозчика душ Харона. Монеты, как форму «бескровной жертвы», заранее вкладывали умершему под язык или в левую руку. Если же у души усопшего не окажется денег и Харон не захочет взять ее в свою лодку, то она обречена блуждать по берегу подземной реки, ожидая, пока живые не осуществят хотя бы символическое захоронение.

Значительное место в воззрениях жителей Херсонеса первых веков имели различные верования, уходившие своими корнями в далекое прошлое. Эти верования теснейшим образом переплетались с развитой системой политеизма и дополняли существовавшие в эту эпоху представления о богах и мифологических героях. Наличие таких древних верований хорошо прослеживается в погребальном обряде, где заметны анимистические воззрения херсонеситов, а также их представления о царстве мертвых. Сам обряд захоронения указывает на боязнь злых духов, которые, согласно этим воззрениям, преследовали живых и мертвых, что нашло отражение в по-

гребальной церемонии и инвентаре, сопровождавшем умершего, а также в виде разнообразных амулетов, талисманов и оберегов, предназначавшихся для отвращения злых сил и духов. Особенно широко для этой цели использовались: колокольчики, клыки и зубы животных, антропоморфные и зооморфные подвески, миниатюрные топовидные подвески. С этими верованиями связаны найденные в захоронениях херсонесского некрополя фигурки Бэса, Гарпократа, патеков, львов, скарабеев и других изображений из египетского фаянса. О том, что подвески из египетского фаянса служили апотропеями, могут свидетельствовать статистические данные об их распространении, приводимые Е. А. Алексеевой. Они показывают, что большая часть подвесок найдена в детских захоронениях, тогда как общее количество погребений с этими подвесками не превышает 20,4 %. Наличие же в погребениях большого количества амулетов и апотропеев, с одной стороны, свидетельствует о существенных изменениях в области идеологии, а, с другой, — отражает прогрессирующий кризис античной идеологии.

Верили херсонеситы и в то, что охранять усопшего можно при помощи амулетницы, поместив туда заклинание. Такие амулетницы в виде запаянных цилиндров из золота и цветных металлов довольно частая находка в могилах некрополя. Следовательно, жители города верили в сверхъестественную силу всех этих предметов, что указывает на сохранение пережитков фетишизма.

Имели место быть и верования, связанные с магией, о чем могут свидетельствовать соответствующие изображения на кружке, изготовленном из стенки керамического сосуда, обнаруженном в северном районе города. В античной Греции магия осуждалась и порицалась. Рост же ее популярности в Херсонесе связан с изменениями в идеологии, главным образом, с распространением в среде жителей восточных религиозных синкретичных течений, в которых значительное место занимала вера в сверхъестественные силы.

Можно заключить, что в числе погребальных традиций в Херсонесе существовал и обычай класть в гробницы, быть может менее состоятельных граждан, плитки с именем погребенного и его отца. Это подтверждается, хотя и в другой форме, именами, вырезанными на каменном гробике, наполненном жженными костями и находившимся в нише склепа (№ 23) и именами, нацарапанными на многих глиняных урнах со жженными костями.

Что касается немаловажной роли огня в религиозной жизни, связи светильников с представлениями о потустороннем мире и хтоническими культами, то этот факт подтверждается не только их количественным увеличением в погребениях, или рядом с ними, а также в домашних святилищах.

В них, по всей видимости, отправлялись хтонические культы или приносились жертвы душам предков, которые также рассматривались в качестве хтонических божеств.

Интересным, на наш взгляд, представляется мнение, что огонь есть родящее начало. Среди ритуалов, сопровождавших новое «рождение», важное место отводилось обрядам очищения. Один из них — очищение огнем. В Херсонесе была обнаружена подстилка из угля и золы, в том числе и под погребенным способом ингумации. С. Ф. Стрелецкий в 1945 г. проследил целый ряд таких захоронений. В грунтовых могилах были найдены и кости, очевидно, жертвенных животных: овцы или козы, коровы, птичьи кости, кости камбалы, остатки краба. Датируются такие захоронения вт. пол. IV — пер. пол. III вв. до н. э.

Распространение среди жителей города новых суеверий, что объясняется расширением торговых связей с восточным Средиземноморьем, Малой Азией, Подунавьем и варварским населением Крыма, к которому продукция античного ремесленного производства попадала через Херсонес.

Существовал и обычай закрывать глаза и рот усопшего золотыми листиками с грубыми, выдавленными очертаниями глаза и разреза рта. Размеры листиков корректировались с возрастом покойного. Иногда вместо наглазников и нагубников лицо усопшего накрывали маской из золотой фольги, видимо, опасаясь его души.

Имеются также немногочисленные находки венков из листочков золотой фольги, которые надевали покойному на голову. Венки из таких пластинок существовали в течение всей античной эпохи, а, следовательно, этот обычай был принесен из метрополии. Делались венки из золотых листиков, по форме напоминающих листья сельдерея, то есть их прототипом послужили листья этого растения, а значит, в более бедных семьях усопшему, вероятно, надевали венок из сельдерея. Такое ювелирное изделие, по всей видимости, символизировало окончание «состояния с жизнью».

Говоря о значимости любого элемента погребального комплекса, можно предполагать, что он несет часть информации. Это может быть и семантический анализ погребального сооружения.

Возведению погребального сооружения отводилось значительное место в погребальном культе. Оно становилось отражением представлений о месте пребывания души после смерти. Погребальные сооружения, как правило, развивались в тесной связи с архитектурой жилых и культовых зданий. Конструкция и размеры подземного жилья, по аналогии с земным, в значительной степени зависели от социального положения усопшего и благосостояния его родственников, на обязанности которых лежало устройство погребения.

Предметом мировоззренческо-религиозной интерпретации нередко является и положение погребенного тела, если костяк сохранился в анатомическом порядке.

Рассматривая весь комплекс погребального инвентаря можно заключить что прижизненные функции утитарных предметов, включенных в погребально-поминальный обряд, делали их медиаторами между земным и хтоническим мирами, они выполняли непосредственную цель: смерть ради жизни.

Византийский Херсон. Все религии имеют множество ритуалов и церемоний, возникших в глубокой древности. Это — жертвоприношения и богослужения, заклинания и молитвы, окуривания и омовения, которые вместе с праздниками и постами образуют религиозный культ, т. е. служение духам или богам.

Христианский культ имеет большую и сложную историю. Христианство вобрало в себя местные верования традиций.

Всякое обрядовое действие в конечном счете является символом, в котором воплощаются представления и понятия, образы и идеи, вызывающие у людей переживания. Сами церковные службы с их пением сохранили многое от древнеязыческого культа.

На представления православных верующих о небесном царстве оказала влияние государственная система Византии и российского дворянско-помещичьего государства. Бог — это царь царей, Богородица — царица небесная, чины ангельские — придворные чиновники, окружающие господний престол. Как у царя были министры, так у бога полагалось быть святым. Каждому новорожденному церковь давала святого покровителя, именем которого он был назван при крещении.

Каково происхождение почитания святых? В древности верили, что умершие предки могут после смерти оказать помощь. Древние греки обожествляли предков-героев, которые якобы могли быть ходатаями за них перед богами. Этот языческий культ предков оказал влияние на возникновение почитания христианских святых.

Традиция почитания святых и мест их погребения возникает уже в первые века существования христианства. Древнейшее из таких известий сохранились в мученических актах св. Игнатия (107 или 115 г.): «...проведя несколько дней над его гробом в пении гимнов, христиане положили и впредь воспевать жизнь и страдания его, и при воспоминании о нем прославлять Господа Иисуса».

В раннем средневековье городские храмы становятся местами погребения духовенства и монашества, а пространство вокруг них, часовни — кимитирии — местом погребений привилегированных мирян. Такие гроб-

ничные комплексы формируются при многих херсонских храмах. К ним могут быть отнесены вырубные гробницы в нартексе базилики Крузе (№ 7) и базилики 1932 г. Возникают кимитирии и при наиболее значимых кафоликонах (Западной базилике — «дом св. Леонтия», Восточной базилике — «храм апостола Петра», Уваровской базилике — «кафоликий храм Свв. апостолов Петра и Павла»), связанные с погребением священства, монашества, а со временем и мирян, игравших особую роль в благоустройстве церкви или обители (жертвователи, ктитория).

К настоящему времени не вызывает сомнений, что во второй половине VI—VII вв. в Херсоне разворачивается «строительный бум», возводятся величественные храмы и целые церковные комплексы. Уже тогда при крупных базиликах возникают часовни — кимитирии (своеобразные «крытые кладбища»), предназначенные для погребения духовенства, а в исключительных случаях и для удостоенных такой чести мирян.

Базиликальные комплексы начинают формироваться в VI—VII вв. и продолжают обустраиваться в течение столетий. Они возникают не только в Херсоне, но и во многих других городах Византийской империи. В ранневизантийском Херсоне можно выделить три таких комплекса: Западная базилика (дом Св. Леонтия), Восточная базилика (храм Св. апостола Петра), Уваровская базилика (храм Свв. апостолов Петра и Павла). Херсонский епископальный комплекс включал в себя ряд мемориальных сооружений. Возможно, первоначально они были предназначены для погребения «местных» святых, а позднее стали использоваться и для погребения епископата, высшего духовенства. Впрочем, некоторые из них (гробницы храма «А») могли служить и для погребения городской знати, уважаемых горожан.

Религиозный погребальный обряд оказывал большое воздействие на психику людей. Христианский ритуал величествен, торжественен и эмоционален. Однако его идея — ничтожество человека и никчемность прожитой земной жизни. В отличие от предшествующих языческих религий христианство обращалось без различия ко всем.

Ранние христианские надгробия зачастую содержат лишь имена покойных. Кроме того, встречающиеся краткие молитвы о покойных только подчеркивают отношение христиан к «жизни после смерти». Молитвы обращены к Богу как Судье с надеждой о прощении, милости по отношению к почившему. Прямые аналогии демонстрируют погребальные сооружения Пантикапея, где стены некоторых склепов V в. сохранили тексты псалмов и молитв о покойных.

Раннехристианская символическая погребальная живопись также является отражением нового христианского мировоззрения. В условиях гоне-

ний вырабатывается символический язык, скрытый от посторонних. Стены погребальных сооружений расписываются «текстами» на этом условном языке. Так, изображения лавровых венков явно символизируют победу над смертью; павлин — бессмертие; голубь — отображение души; цветы и деревья — образы рая; четырехлепестковая розетка или крест, хрисма в круге. Таких изображений много в Римских катакомбах, аналогичные символы запечатлены на стенах раннехристианских расписных склепов и некоторых надгробий херсонесского некрополя.

В христианстве смерть нередко ассоциируется со сном, успением, покоем, упокоением. Иоанн Златоуст разъяснял это следующим образом: «Здесь наперед надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением... Почему же смерть Христову апостол назвал смертию, а нашу успением? ... Говоря о Христе, он употребил слово: «смерть», чтобы показать действительность Его страданий, а о нас — «успение», чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово: «смерть», а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово «успение», самым названием и утешая нас, и укрепляя благия надежды. Спящий, конечно, встанет, а смерть есть не что иное, как продолжительный сон».

В то же время к смерти относились и как к новому рождению. Наиболее наглядно это подчеркивает традиция погребения в крещальнях — мемориях. Такие погребения были открыты в помещениях для крещения, сооруженных к концу VI в. при Южном загородном храме, при Уваровской базилике, при Западной базилике, при «храме с ковчегом». Крещение в христианстве рассматривалось как второе рождение, тем самым смерть — как третья. Такое восприятие смерти привело к кардинальному переосмыслению погребальной традиции, и, как следствие, — отношения к погребению, к могилам и кладбищу в целом.

Необходимо обратить внимание на тот очевидный факт, что отношение к смерти, ее восприятию Церковью, претерпевало некоторую трансформацию в народном мировоззрении. В первую очередь оно выражалось в погребальном инвентаре, нередко включавшем обычные бытовые предметы. Особый интерес в этой связи представляет такой неканонический элемент погребения, как монеты, встречающиеся в однозначно христианских могилах. Таких монет найдено значительное количество и зачастую они становятся главным основанием для датировки. В качестве примера можно привести материал из склепов, открытых на кладбище около Карантинной бухты в 2006 г., где были найдены: в склепе 1/2006 — 29 монет, в склепе 2/2006 — 18 монет, в склепе 5/2006 — 33 монеты, почти все — IV—V вв. Такая тра-

диция сохранялась и на территории Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, в том числе она прослеживается и на кладбищах вблизи церквей.

Во время исследования одного из погребальных сооружений, содержащих раннехристианские росписи, были найдены несколько столбиков с монетами, которые лежали у входа в склеп. Возможно, они были оставлены одним из участников погребальной процессии, либо человеком, навещавшим могилу. Разумеется, установить смысл такого приношения сложно. Оно могло быть оставлено и как подаяние нищим, и как иная форма «бескровной жертвы». Интересно, что гробничные памятники христианского Херсонеса демонстрируют новое представление о смерти уже с IV в., вероятно, еще до начала массового обращения херсонеситов в новую веру при участии епископа Капитона.

Подведем итоги. Ключом к проблеме погребально-поминального обряда служит характер мышления, характер восприятия окружающей действительности, которые отличаются от современного мировидения. Суть этих отличий прослеживается на территории некрополя — кладбища, и обусловлена, вероятно, различием типов мышления.

Каждый период Херсонеса имеет свою мировоззренческую основу, в процессе смены внешнеполитических факторов влияния происходит постепенная трансформация восприятия жизни и смерти. Две религии — язычество и христианство — несли в себе разные догмы и представления об окружающем мире. Но показательным, на наш взгляд, следует считать то, что несмотря на трансформацию восприятия жизни и смерти от трагической безысходности до надежды на воскресение души, собственно погребальный обряд, в сущности, не менялся. Безусловно, в византийский период прослеживаются особенности, характерные исключительно для христианского погребально обряда, однако основные компоненты сохраняются, приобретая лишь другое содержание, отвечающее требованиям господствующей религии и нового христианского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // Археологический сборник. — Л., 1978.
2. Блатовская Т. В. Греческое общество второго тысячелетия до н. э. и его культура. — М., 1976.
3. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Пер. с польск. В. К. Ронина. — М., 1988.
4. Винокуров Н. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (По материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья)

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Vinok_Gertva.php.
5. *Голубцова Н. И.* У истоков христианской церкви. — М., 1967.
 6. *Гомер.* Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. — М., 1978.
 7. *Гомер.* Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. — М., 1981.
 8. *Грейвс Р.* Мифы древней Греции / Пер. с англ., под ред. и с послесл. А. А. Тахо-Годи. — М., 1992.
 9. *Доддс Э. Р.* Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова; Послесл. Ф. Х. Кессиди. — СПб., 2000.
 10. *Донини А.* У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). — М., 1979.
 11. *Емелях Л. И.* Происхождение христианского культа. — Л., 1971.
 12. *Зубарь В. М., Мецержаков В. Ф.* Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса // Население и культура Крыма в первые века н. э. — К., 1983.
 13. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К., 1982.
 14. *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв. — К., 2000.
 15. *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* У истоков христианства в Юго-Западной Таврике: эпоха и вера. — К., 2005.
 16. *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. — К., 1994.
 17. *Иоанн Златоуст* Творения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bogistina.info/bibl/starci/zlatoust.shtm>.
 18. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). — Харьков, 1996.
 19. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века нашей эры. — Харьков, 1981.
 20. *Капустин Н. С.* Особенности эволюции религии. — М., 1984.
 21. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — М., 1989.
 22. *Кулаковский Ю. А.* Смерть и бессмертие древних греков. — К., 1899.
 23. *Латин В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. — К., 1966.
 24. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.philosophical.ru/l_sverhpervvm.htm.
 25. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908—1910 гг. // ХСб. — 1927. — Вып. 2.
 26. *Лукиан.* Собрание сочинений / Под ред. Б. Л. Богаевского. — М.; Л., 1935.
 27. *Покровский Н. В.* Живопись катакомб // Очерки памятников христианского искусства. — СПб., 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/lib_sec/16_p/pok/rovsky.htm.
 28. *Пятьшьева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса // Труды ГИМ. — 1956. — Вып. 18.
 29. *Ранович А. Б.* О раннем христианстве. — М., 1959.
 30. *Репников Н. И.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. — 1927. — Вып. 2.
 31. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. — Ч. 1—2. — Харьков, 2005.

32. Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. — Харьков, 2011.
33. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2000.
34. Стржеелецкий С. Ф. Краткий отчет о раскопках у Карантина за 1939 г. // Архив НЗХТ. — Севастополь-Свердловск, 1940—1942. — Д. № 464.
35. Стржеелецкий С. Ф. Отчет о раскопках таврского некрополя в Херсонесе за 1945 г. // Архив НЗХТ. — Д. № 1300.
36. Тульпе И. А. Некрополь — поле реконструкции мировоззренческих констант // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции. — СПб., 2013.
37. Уваров А. С. Христианская символика. — Ч. 1: Символика древнехристианского периода. — М., 1908.
38. Фомин М. В. О погребениях при крестообразном мартирии Западной базилики Херсонеса // Вісник ХНУ. — 2006. — № 728. — Історія. — Вип. 38.
39. Фомин М. В. О раннехристианской погребальной традиции. Попытки реконструкции // Проблемы теологии. Материалы третьей международной богословской научно-практической конференции, посвященной 80-летию о дня рождения протоприсвитора Иоанна Мейендорфа. — Вып. 3. — Екатеринбург, 2006.
40. Фомин М. В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). — Харьков, 2011.
41. Smith J. C. A Roman chamber tomb on the south-east slops on Monasteriaki kephala, Knossos // The Annual of the British School at Athens. — 1982. — 77.
42. Sodini J-P., Kolokotsas K. Alike II: la basilique double (Etudes Thasiennes, X) / J-P. Sodini, K. Kolokotsas. — Paris, 1984.
43. Grabar A. Martyrium. Recherthes sur le culte des reliques et l'art Chretien antique: Vol. I—II. — Paris, 1946. — Vol. I.
44. Lassus J. Sanctuairts chritiens de Syrie. — Paris, 1962.